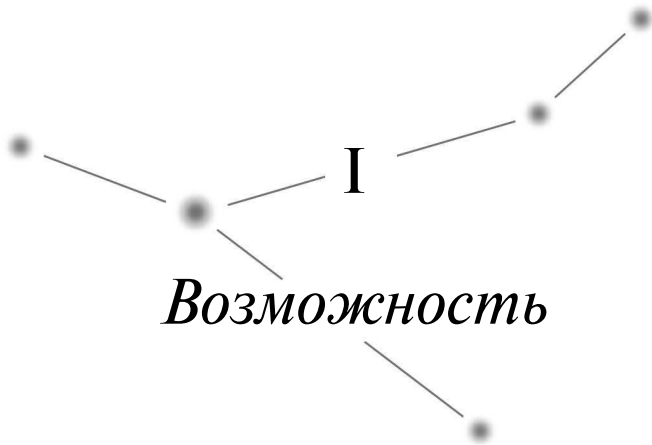
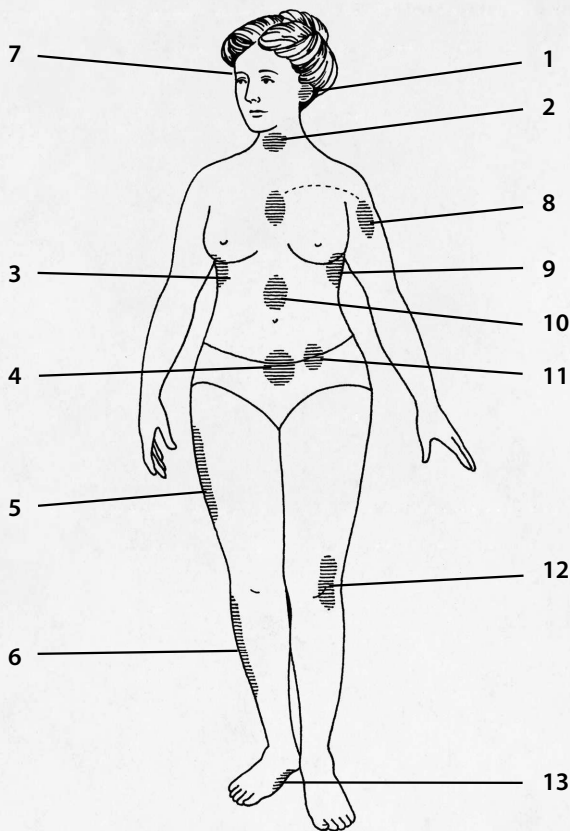

Посвящается Худе и Дженнифер

Картография будущего:
справочник по толкованию девочек и женщин

Стандартное расположение меток, вид спереди

1. Умственные способности	8. Романтические увлечения
2. Личные качества	9. События и перемены
3. Дружеские отношения	10. Эмпатия
4. Близкие родственные связи	11. Интуиция
5. Дальние родственные связи	12. Субординация и труд
6. Здоровье и спорт	13. Индивидуальные черты
7. Успеваемость	

1

С того самого дня, как я родилась, мой брат Майлс читал меня словно карту, водил пальцами по созвездиям веснушек и родинок на моем теле, стремясь узнать мое будущее и, вероятно, свое. В те ранние годы мое тело принадлежало ему в той же мере, что и мне. Делить с ним тело означало не возражать, когда он задирает мне майку или свитер, чтобы отыскать на коже указания на то, что должно произойти. Я не возмущалась, поскольку верила, что мы были единым целым, что предсказания, размеченные на моем теле, были и частью его. Мы вместе осваивали ремесло, требовавшее постоянной практики. Он подлавливал меня за завтраком или в коридоре на втором этаже и спрашивал, можно ли еще раз кое-что проверить — словно мои отметины могли как-то перемениться, чего, как нам обоим было известно, в природе не случается. По крайней мере, пока что не случилось.

Когда я стала старше и видеть меня без одежды Майлсу больше не полагалось, он принялся изучать мои руки, пристально вглядываясь в созвездие родинок над левым локтем. «Везет тебе, — говорил он. — Ты знаешь, что тебя ждет».

Так и было. Как у всех девочек, на коже у меня был размечен весь мой жизненный план. Во время совместных ночевки мы с подружками раздевались до нижнего белья и читали по телам друг друга, что ждет нас в будущем. Мы долго всматривались в отметины на поясницах — в этом

месте родинки рассказывали о любви и романтических увлечениях. «Тебя ждет несколько влюбленностей», — говорила Мари Кассандре, и Кассандра, изучив спину Мари, с удивлением говорила в ответ: «Ты будешь жить с женщиной» — хотя смысла этих слов ни одна из нас в том возрасте еще не понимала. Мы знали лишь то, что перипетии наших жизней были рассыпаны по нашей коже с самого начала, и так же было и с нашими матерями, и с нашими сестрами, тогда как наши братья и отцы жили в неведении.

Майлс годами изучал каждый дюйм моего тела и документировал все мои отметины у себя в тетради. Это была толстая тетрадь с голубой обложкой и нелинованными страницами. Иногда я тайком пробиралась к нему в комнату и листала ее, разглядывая маленькие чернильные точки, так сильно вдавленные ручкой в страницы, что из-за скопления бугорков на их обратных сторонах тетрадь походила на книгу для слепых. Мне было почти шестнадцать, и детским отметинам, описанным братом, вскоре предстояло устареть — до появления у меня взрослых отметин оставалось уже недолго. И я знала, что он сразу же захочет исследовать обновленную карту моего тела.

Лето и ранняя осень того года, предварявшие мой шестнадцатый день рождения, были эпохой неопределенности, риска и новизны. Все девочки вокруг меня вступали в переходный возраст, и спустя совсем немного времени я к ним присоединилась. Бедра стали шире, я подросла и набрала вес. Я понимала, что эти перемены затрагивали не только мое физическое тело. Вскоре все должно было измениться — мои предсказания, мои ожидания, мое будущее. Вся моя жизнь.

Домашний экземпляр книги «Картография будущего: справочник по толкованию девочек и женщин», старинного издания в кожаном переплете, передававшегося в нашей семье от поколения к поколению, лежал на камине в гостиной, но Майлс частенько утаскивал его к себе. Увлечение брата толкованием я считала одной из его странностей, чем-то наравне с его отвращением к шоколаду и тем фактом,

что он левша. Толкование считалось женским делом, и то, что Майлс часами просиживал над книгой, изучая комбинации отметин и предсказания, казалось довольно вздорным занятием. Его любовь к толкованию была одержимостью, дикостью, страстью, которую он не контролировал. Наблюдать за тем, как Майлс развивает в себе ремесло, которым вообще-то не должен владеть, — которое не должен любить, начнем с этого, — само по себе было ценным уроком.

Как же много времени мы проводили в те дни вместе! В августе жара загнала нас в подвал — темное пространство с земляным полом и балками, затянутыми паутиной. Мы пробрались мимо уставленных друг на друга коробок в укромный уголок прямо под кухней, откуда сверху до нас долетали бестелесные обрывки материнского голоса. В детстве мы прятались там, чтобы подслушивать родителей, но в тот раз нас привели туда духота и скука. Мы сидели на полу, прислонившись спинами к бетонным стенам, позволяя их прохладе просачиваться сквозь нашу кожу. Годы спустя я буду вспоминать тот день как поворотный момент, после которого наши отношения ухудшились и между нами пролегла бездна. Но в тот момент нам просто хотелось хоть чем-нибудь себя занять.

— Давай сыграем в «Знаешь ли ты», — предложила я. Эта игра была нашим собственным изобретением — мы придумали ее давным-давно, в какой-то из летних дней вроде сегодняшнего, но не играли в нее уже лет сто.

Майлс искал в кармане монетку.

— Выбери, — велел он, и монетка закрутилась в тусклом свете подвала. Орел или решка. Я выбрала орла, но, когда он прихлопнул монетку к руке и отнял ладонь, там оказалась решка. По его лицу скользнула хитрая ухмылка. Брату было почти восемнадцать, но он по-прежнему умел принимать по-детски озорной вид, как двенадцатилетний мальчишка, добившийся своего.

— Дамы вперед, — сказал он.

Загадывать первой было невыгодно, но меня это не смутило. Я повернулась и написала отгадку на земле позади себя, где ему ее было не видно.

— Знаешь ли ты, — начала я, — что, возможно, физкультура у старших классов скоро будет проходить совместно, как в младших классах?

Он удивился:

— Сомневаюсь, Селеста.

— Вот послушай. Мама Кассандры состоит в школьном попечительском совете, и вчера у них было собрание. — Ложь в этой игре выходила более убедительной, если подмешать в нее немного правды. Я принялась объяснять ему, что один из попечителей выступил за смешанное обучение, потому что это помогло бы девочкам и мальчикам воспринимать друг друга как ровню. Кроме того, объединив классы, можно было бы сэкономить деньги.

Пока я все это рассказывала, брат смотрел на меня с кривоватой ухмылкой, сигнализирувавшей, что я его не убедила.

— Будь это правдой, — сказал он, — ты бы гораздо раньше мне рассказала.

— Приберечь информацию для игры — хорошая стратегия. Ты сам меня этому научил. — Меня захлестнуло уверенностью, пониманием, что я могу врать сколько влезет, если это поможет мне выиграть. — К тому же ничего еще не решено. Это же просто идея, которую кто-то предложил на собрании.

Майлс покатал монетку в ладонях. Я видела, что в голове у него проносятся мысли о возможных последствиях совместной физкультуры — что девочки, которые только что обзавелись взрослыми отметинами и потому пребывающие на пике привлекательности, будут вынуждены близко контактировать с парнями из школы. Но поскольку именно в этом и крылся весь сок моей истории, он же и подвел меня к провалу.

— Ложь, — наконец произнес Майлс. — Родителей возмутила бы идея подпустить их дочерей-превращенок во время физкультуры так близко к парням.

Не успела я сделать еще одну попытку его переубедить, как Майлс прополз мимо меня и посмотрел на отгадку, написанную на земле. «*Ложь*», — было накарябано там округлыми буквами.

— Так я и думал, — сказал Майлс. — Но попытка была хорошая, Селеста. Ты меня почти уделала.

Я подождала, пока он сотрет мою отгадку и напишет на ее месте свою собственную. Закончив, он, весь заляпанный пылью, уселся передо мной со скрещенными ногами.

— Знаешь ли ты, — сказал он, — что, после того как ты родилась, мама с папой пытались завести еще одного ребенка?

Я старательно сохраняла безразличный вид.

— Я знаю, о чем ты думаешь — что это невозможно, так как мамины отметины показали, что у нее будет только двое детей. — Майлс заговорил тише. — Но вот в чем дело. Они решили, что отметины могут о чем-то умалчивать либо недоговаривать. И что, возможно, имелось в виду, что детей будет *минимум* двое. Сама знаешь, как бывает. Некоторое время они даже думали, что мама беременна. У нее живот стал заметен, и все такое. — Он изобразил дугу над своим плоским прессом.

Я пристально наблюдала за ним, пытаюсь понять, с какой стати он загадывает настолько очевидную ложь — он что, меня испытывает?

— Тебе тогда было года три, — продолжал он, — а мне пять. Я помню это, но смутно. Они были счастливы. Мне все вспоминается, как они радовались, что появится третий малыш. Нас с тобой им было недостаточно.

Лицо у меня дрогнуло, но я сохранила выдержку. Я старалась не подавать виду, что начинаю верить в его историю.

— Но случиться этому было не суждено, — продолжал Майлс. — Довольно долго я думал, что все это мне приснилось. Сама мысль о том, что мама с папой решили, что смогут завести еще одного ребенка, казалась дикой. А потом я стал задаваться вопросом, что стало с беременностью. Случился выкидыш? Или это была одна из тех несуществующих беременностей? Кажется, такое называется ложной беременностью.

— Фантомная беременность, — сказала я. — Это редкость.

— Короче, я не стал уточнять. Думаю, они не признались бы, что вообще поверили во что-то настолько глупое.

— Ты прав, поверить в такое — и правда дикость.

Майлс выдержал мой взгляд.

— В таком и кроется самая настоящая правда, Селеста — в том, что кажется невозможным, в том, что мы храним в тайне. Я не заговаривал об этом раньше, потому что помню, как мама с папой расстроились, когда ничего не вышло. Они хотели того третьего ребенка, даже и, возможно, особенно потому, что обрести его им было не суждено — и смотри, что в итоге случилось.

Я не спешила нарушать повисшую между нами тишину. Это ведь неправда, это не могло быть правдой, и все же я не спешила с ответом. Майлс был мастером в этой игре. Он не стал бы озвучивать настолько нелепую идею, не продумав ее от и до.

— Пора отвечать, — сказал он. — Правда или ложь?

Я прикусила щеку. Меня подмывало сказать «ложь», но я не могла заставить себя произнести это слово. Я представила себе восторг родителей, узнавших, что у них может появиться третий ребенок. Я представила себе их боль, когда они узнали, что этого не случится, когда вынуждены были смириться с тем, что есть только мы с Майлсом.

— Ложь, — наконец сказала я. Это слово отозвалось во мне горечью.

Майлс пристально на меня посмотрел.

— Уверена?

Слабые солнечные лучи падали в подвал сквозь одно из цокольных окон и подсвечивали пыль, плавающую в воздухе. Под определенным углом лицо Майлса выглядело невероятно благостным — мерцающая пыль кружила над его головой как нимб.

Мать позвала нас сверху.

— Майлс? Селеста? — словно из-под воды донесся до нас ее голос. Чтобы привлечь наше внимание, она чем-то постучала по кухонному полу — может, ножкой стула или просто потопала ногой. — Поднимайтесь.

Я встала и стряхнула землю с шорт, радуясь возможности сбежать от этой игры и испытующего взгляда брата. Между нами возник разлом — тончайшая щель, которая, тем не менее, при давлении могла расшириться. Само предположение Майлса о том, что родители решили противоречить судьбе, казалось мне кошунственным. Выдумать что-нибудь эдакое ради игры — одно дело, но выстроить историю в таких шокирующих подробностях было жестоко. Уже было не столь важно, ложь это или правда, корень моего смятения был в том, что я не могла отличить одно от другого.

Возможно, я не так уж хорошо знала Майлса. Поэтому я не вынесла бы его присутствия в тот момент, когда увижу, что же он написал на земле. Я решила вернуться в подвал позже, одна — когда смогу без свидетелей узнать, правда это была или ложь.

На кухонном столе перед мамой была раскрыта книга в мягкой обложке — она читала ее, нарезая виноград в миску с фруктовым салатом. Когда мы появились на пороге, она подняла на нас взгляд.

— Вот вы грязнули. — Она отложила нож. — Идите умойтесь. Но сначала принесите мне «Картографию будущего». На камине ее нет.

— Она у меня, — сказал Майлс. — Сейчас принесу.

Он выскользнул из кухни, а я осталась разглядывать мать, склонившуюся над романом — глаза ее перебегали от одной страницы к другой. На ней была бирюзовая блузка без рукавов, слегка запачкавшаяся во время готовки, а волосы удерживал «крабик», которому не хватало двух зубцов. Мне было не по себе от ее небрежного вида, словно я была свидетельницей того, как она растворяется в энтропии. До замужества и рождения детей у нее была успешная карьера в сфере образования, и все это было предсказано ее отметинами — она приняла свое будущее, не имея возможности его избежать.

— Зачем тебе «Картография будущего»? — спросила я.
Мать перелистнула страницу.

— У персонажа в этом романе есть отметина, указывающая на долголетие. У меня есть похожая — хочу найти обе версии и сравнить их.

Речь шла об отметине на мамином левом бедре. Помню, как ребенком разглядывала ее, когда мы вместе оказались в примерочной: одна линия из четырех родинок, в которую вклинивались еще две. Иметь такое предречение было приятно.

— Майлс проводит с «Картографией будущего» больше времени, чем мы, — сказала я, — но он уже слишком взрослый, чтобы увлекаться толкованием. Наверное, пора ему определиться, чем он будет заниматься по-настоящему.

— Мальчикам сложнее. — Мама перевернула страницу в книге. — Представь, каково это, когда на твоём теле не написано будущее. Я бы чувствовала себя незащищённой, а ты?

Легко было забыть, в каком неведении, будучи юношей, блуждал мой брат, как ему приходилось довольствоваться лишь теми фактами о своём будущем, которые он мог узнать от меня. Предсказания на мамином теле были абстрактными, туманными — то есть слишком общими для того, чтобы Майлс мог узнать из них что-то конкретное о собственной жизни. Он был одинокой точкой среди отметин, располагавшихся у мамы на животе: классическое треугольное скопление означало семью, а отдельное скопление указывало на отца и двоих детей — мальчика и девочку.

Мои детские отметины давали больше подробностей о жизни брата. Ромбовидное созвездие из пяти родинок у меня на лопатке предрекало, что в восемь лет я серьёзно заболею гриппом. Это же скопление указывало, что заболеет и Майлс — несмотря на все усилия родителей изолировать меня от него. А скопление отметин на моем правом бедре намекало на то, что однажды мы с Майлсом будем работать вместе.

Я не могла понять, каким образом наши будущие карьеры могли сойтись в одной точке, если меня интересовало изучение психологии, а Майлса — нет, но его это, по-

хоже, не смущало. А еще он решил не придавать значения обособленной отметине в скоплении, указывавшем на мою карьеру, — она заметно противоречила другим и указывала на то, что я все-таки буду работать одна. С появлением взрослых отметин нам предстояло узнать больше, но до тех пор брат лелеял надежду, что эта отметина как-то соотносилась с тем, чего ему хотелось больше всего — в будущем стать профессиональным толкователем. Его мечта была неосуществимой, если не невозможной, но он все равно к ней стремился.

Еще одна невозможность, от мысли о которой я не могла отделаться: что если то, о чем он рассказал мне в подвале, было правдой? Я смотрела на мать и пыталась представить вздувшийся живот у нее под рубашкой. Возможно, мы с Майлсом жили в тени ребенка, которого не было.

— Тебе когда-нибудь хотелось того, что не предрекали твои отметины? — спросила я. — В смысле того, что тебе не было суждено иметь?

Она заложила страницу закладкой и с удивлением взглянула на меня.

— Конечно, Селеста. Я же обычный человек.

Я всматривалась в нее, выискивая какой-нибудь знак того, что предметом ее желания был еще один ребенок. Но ничего такого не заметила.

Майлс вернулся на кухню и положил «Картографию будущего» на стол. Эта книга, облаченная в тяжелый переплет из темной кожи с золотой филигранью, оттягивала руки весом своей истины и возраста. Мать похлопала ее по обложке, словно радуясь встрече со старой приятельницей.

— Спасибо, — сказала она. — А теперь идите оба умойтесь. Хватит с вас пачкотни на сегодня.

В тот день к игре мы с Майлсом не вернулись. Вместо этого мы маялись во влажном летнем мареве: слушали радио, ели фруктовый лед, который таял и стекал по нашим рукам, просто валялись, растянувшись на полу в гостиной перед вентилятором. В конце концов Майлс ушел к себе в комнату. Я сидела у окна в гостиной и наблюдала, как небо темнеет до глубокой кобальтовой синевы. Тьма на-

крывала соседние дома, отчего те выглядели тусклыми и заброшенными, словно за считанные мгновения успели состариться на полвека.

Все это время я думала о нашей незаконченной игре, об отгадке, которая таилась в подвале. Правда или ложь. Я представила, что ответ брата — это живое существо, которое ждет меня в сумерках, призывает меня к себе. Молит познать истину.

Спуск в подвал тем вечером стал моим первым шагом к чему-то новому — теперь я это понимаю, — но тогда я просто медленно погружалась в темноту, ни в чем не уверенная и совершенно одна.

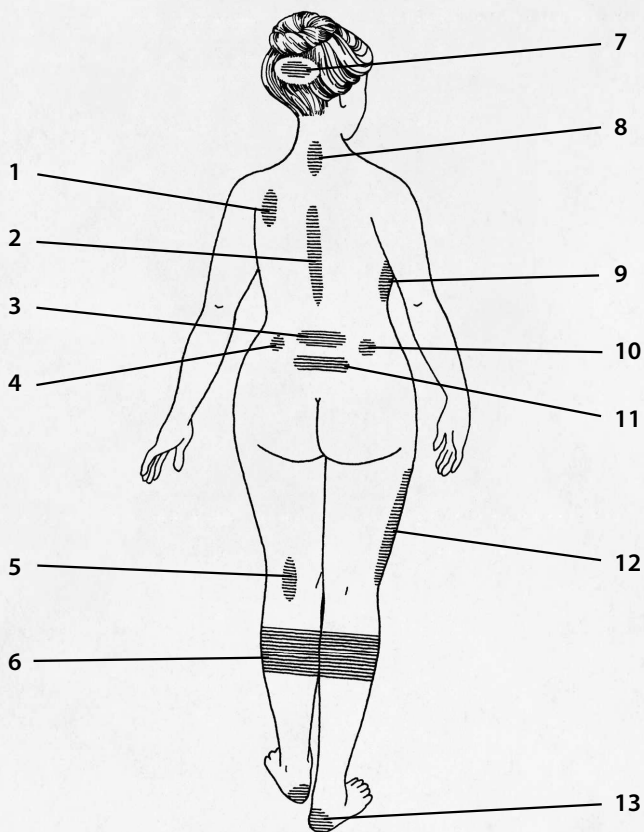
Я спустилась по лестнице и замерла, чтобы глаза привыкли к мраку. Стоя на месте, я думала о Майлсе и о том, каким нечитаемым он стал во время игры. Впервые я поняла, что он был способен хранить настоящую тайну, нечто куда более серьезное, чем любые наши выдумки в этой игре, и меня тревожило, что это могло означать. Там, в прохладном воздухе подземелья, безымянная тревога пробудила к жизни что-то внутри меня — настороженность по отношению к брату и тому, что еще он однажды мог от меня утаить.

Подвал освещала одинокая гудящая лампочка, ее слабое мерцание едва доставало до угла, где днем мы сидели в пыли. Я стала красться туда, наострив все органы чувств. Наконец, я добралась до слова, выведенного на земле под занавесью паутины. Майлс написал свой ответ печатными буквами — послание, которое стало провозвестником грядущего обмана — как с его стороны, так и с моей.

Надпись гласила: *«ЛОЖЬ»*.

Тогда я впервые увидела проблеск правды.

Картография будущего:
справочник по толкованию девочек и женщин

Стандартное расположение меток, вид сзади

1 — Заболевания и проблемы	8 — Интеллект
2 — Духовная жизнь	9 — Искренность
3 — Удовольствия и радости	10 — Карьера
4 — Денежное положение	11 — Любовь и увлечения
5 — Старение	12 — Филантропия
6 — Домашнее хозяйство	13 — Самооценка
7 — Эмоциональное здоровье	

По иронии судьбы я появилась на свет спустя ровно два года после Майлса, поэтому день рождения у нас был один на двоих. Иногда я воображала, что мы двойня и нас не разделяют пространство и время. Мы были достаточно похожи, чтобы сойти за двойняшек: волосы одинакового каштанового оттенка, темные глаза с искрой — скорее карие, чем зеленые, даже брови и уши были одной формы, словно я была его оттиском, сделанным на два года позже. Я всегда старалась нагнать те два года, пыталась сравняться с братом, словно могла перехитрить само время.

В тот год лето внезапно перегорело и превратилось в осень, а жара моментально перешла в мороз. Первый холодный день в сентябре шокировал, студеный воздух казался нездешним. Все это мне запомнилось, потому что в тот день Майлс попросил меня сходить с ним на занятие по толкованию. Его учительница Джулия хотела осмотреть меня, перед тем как мои отметины сменятся взрослыми. Джулию я видела лишь однажды, но много о ней слышала: она была опытной толковательницей, но подход ее считался нетрадиционным, и меня терзало любопытство, что же она скажет мне — практически незнакомому человеку.

Было уже далеко за полдень, солнце заливало все золотистым светом, в деревьях щебетали птицы. Майлс с «Картографией будущего» под мышкой шагал по нашему району чуть впереди меня. Я пыталась идти с ним вровень, но

все равно отставала на шаг-другой. Ноги у меня были длинные, но у него длиннее. Мы были и похожи, и нет.

Он переживал, что опоздает — это было понятно и без слов. Будучи первым и единственным учеником мужского пола в классе у Джулии, он должен был трудиться вдвое усерднее, чтобы его воспринимали всерьез.

— Успеем, — приободрила я его, когда мы свернули с нашей улицы и нам осталось чуть больше мили. Мы жили в старом районе, который граничил с центром города. Здесь преобладали пешеходные дорожки и живые изгороди, но застройка была плотной, и некоторые дома заметно одряхлели. С дома по соседству с нашим краска отслаивалась, как кора с древней березы, у другого окна на верхних этажах были заколочены фанерой. Зато всего в паре кварталов отсюда в окружении пышных зеленых лужаек стояли дома с колоннами и башенками, а возле одного из них статуи двух львов, распахнув пасти в нескончаемом рыке, стерегли вход на аллею к дому.

Мы вошли в центр города, где улицы сужались, а сквозь трещины в асфальте пробивались крошечные растения. Молодая поросль, проложившая себе путь через обломки, причудливые осыпающиеся здания — то были первые знаки, что мы приближались к району толкователей. Вход в него украшала кованая арка с надписью «Будущее — это судьба». Пройдя под ней, мы очутились в лабиринте брусчатых улиц, на которых изогнутыми рядами теснились малоэтажные домики. Верхние этажи были жилыми, а на первых располагались кабинеты толкователей — окна в них были без штор, чтобы прохожие могли заглядывать внутрь.

Район толкователей был практически поровну поделен между серьезными заведениями и теми местами, где занимались фарсом. Здесь предлагали и настоящие, и развлекательные толкования, и профессионалам вроде Джулии приходилось сосуществовать с псевдотолкователями, которые вешали у себя над входом неоновые вывески и раздавали купоны на улице. Гадания по хрустальному шару, по руке, по чайкам, по картам Таро и толкование снов — все это было лишь показухой. Только отметины говорили правду.

Пока мы с Майлсом шли по главной улице, краем глаза я поглядывала на витрины. Светящиеся гирлянды, кружево, кристаллы, бряцанье дешевых занавесок из бусин — всем этим завлекали к себе псевдотолкователи. Ни с того ни с сего я начала рассказывать Майлсу о девчонках из школы, которые часто заходили в такие места ради смеха. Их приводили в восторг безумные предсказания жетолкователей о невероятных любовных романах, свалившемся с неба богатстве, приключениях...

— Некоторые из наших собираются зайти сюда на толкование, когда их отметины сменятся на взрослые, — сказала я.

Майлс покачал головой:

— Не трать на это деньги. Кроме того, превращенкам опасно посещать район толкователей.

— Разве что ночью.

— Возможно. Но это все равно слишком рискованно.

Он имел в виду, что девушки, только вступившие в фазу превращения, — особенно это касалось дерзких, безрассудных или травмированных девушек из проблемных семей, — нередко пропадали в темное время суток в районе толкователей. Эти улицы — единственный городской округ, выделенный для профессиональных толкователей, — привлекали изрядное количество посетительниц и потому были первоочередной целью для насильников. Это не было для меня новостью — все об этом знали, — но, как и большинство, я предпочитала избегать подобных мыслей. Тогда я относилась к похищениям так же, как к собственной смертности: то была неоспоримая правда жизни, однако непознаваемая, слишком серьезная и жуткая, чтобы думать о ней дольше пары секунд.

Поэтому я и не думала. Я была пятнадцатилетней девчонкой, которая решила составить компанию брату. Нас ждала Джулия, нас ждало будущее. Нам только и оставалось, что шагать вперед.

На доме Джулии не было вывески — никаких указаний на то, что это не просто жилой дом. Ни неоновых огней, ни дешевых занавесок и уж точно никаких хрустальных ша-

ров. Мы с Майлсом вошли в приемную: комнату украшали напольные часы, старинный диван и обои с блестящим узором. Я сочла, что здесь к будущему относятся серьезно.

Сквозь стеклянные двери, отделявшие класс от приемной, мы увидели Джулию: она что-то рассказывала полудюжине девушек-подростков, которые сидели перед ней на полу. В отличие от толкователей-позеров со всеми их шалями и перламутровыми тенями, Джулия была одета в простые джинсы и строгую приталенную рубашку, а тяжелые каштановые волосы струились по ее плечам. Она выглядела практично и в то же время прогрессивно — такой она и должна была быть, раз преподавала толкование юноше.

Майлс замер возле стеклянных дверей.

— Знаешь, ты ведь можешь пойти со мной. Джулия будет рада тебе.

Я покачала головой.

— Я лучше здесь подожду.

Он юркнул в класс, а я осталась в приемной одна. Я бродила вдоль книжных полок и разглядывала корешки, пока не нашла то, что искала: книгу в толстом переплете, полную замысловатых геометрических узоров. Я обнаружила ее в тот единственный раз, когда побывала у Джулии — в день открытых дверей для учеников и их родных, который она устроила несколько месяцев назад. По такому случаю мы с родителями даже принарядились. Мы нервничали, поскольку переживали, что Джулия сочтет нас простаками, но она оказалась радушной и доброй. Именно Джулия подвела меня к своей книжной коллекции и предложила поискать в ней что-то для себя. Когда она заметила, что я не могу оторваться от книги с узорами, вид у нее был довольный.

Я вытянула книгу с полки и раскрыла ее. Страницы были заполнены головокругительным количеством геометрических форм и орнаментов, украшавших ковры, картины, скульптуры, мозаики — самые красивые предметы в мире. И что самое главное, они не имели никакого отношения к моей коже или предсказаниям будущего. То был мой редкий шанс затеряться в комбинациях, за которыми не крылся какой-то особенный смысл.

Довольно долго я задумчиво перелистывала страницы. Когда длинная стрелка напольных часов почти проделала круг, я поставила книгу на место и посмотрела, что происходит за стеклянными дверьми. За исключением брата в классе были одни девушки. Чуть старше меня, одетые в том непринужденном стиле, которому мне так хотелось подражать: в сандалиях с блестящими ремешками, с шарфами вместо ремней и в тонких блузках с глубокими вырезами, которые спадали с плеч и открывали разноцветные лямки бюстгалтеров.

Девушки сидели близко друг к другу, а их «Картографии будущего» были отложены в сторону, чтобы они могли сосредоточиться на живых картах собственных тел. Их темная, оливковая или бледная, как у меня, кожа была покрыта отметинами будущего. Каждая из них протягивала руку соседке для толкования. Мой брат не мог предоставить собственное тело, но, когда он склонился, чтобы осмотреть кожу светловолосой девушки по имени Дейрдре, все устались на него. Он уверенно вел пальцем по ее коже, хмурясь от напряжения. Он был осторожен, тактичен и серьезен. Если бы не его пол, он вполне мог бы сойти за профессионального толкователя.

Вскоре раздался бой часов — его глубокие ноты означали конец занятия. Когда девушки распахнули двери класса и высыпали в приемную, я отступила в сторону. Джулия вышла с раскрытой «Картографией будущего» в руках, на ходу объясняя диаграмму одной из учениц. Когда она заметила меня, выражение ее лица изменилось. То была легкая, мимолетная перемена, но я ее уловила.

— Селеста, — произнесла она, — я рада, что ты пришла. — С улыбкой на лице она приблизилась ко мне и дотронулась до моей левой руки. — Можно?

Я кивнула, и она взяла мою руку и легко провела кончиками пальцев по моей коже. Я закрыла глаза. Для толкования требовалось не только зрение. Осязание дополняло и усиливало картину. Иногда без осязания было не обойтись.

— Хм, — тихо произнесла Джулия. Она сосредоточилась на скоплении родинок возле моего левого локтя, комбинации, которой не соответствовал ни один образец из «Картографии будущего». Разные толковательницы толко-

вали ее по-разному. Одна говорила, что вскоре после шестнадцатого дня рождения меня постигнет незначительная болезнь. Другая считала, что это будет автомобильная авария, но не очень опасная. Общий вывод гласил, что волноваться мне не стоило, что детские отметины — всего лишь мелкие туманности во вселенной, состоявшей из массы куда более конкретных предсказаний.

— Майлс считает, что скоро меня ждет превращение. — Я посмотрела на веснушки на своем предплечье. Я хотела запомнить их — не такими, какими они были зарисованы дома в тетради брата, а теми, какими они были здесь и сейчас — крохотными ориентирами будущего, которое вскоре станет прошлым.

Джулия кивнула.

— Период накануне превращения — удивительное время. Возможности кажутся безграничными.

Период перед сменой детских отметин на взрослые был подобен тому, что видишь, когда волна накрывает побережье: ожидание взрыва, сумятица и хаос, а затем песок снова превращается в безупречно ровную поверхность. Когда это случалось, девушкам открывались новые предсказания, но также их захлестывал и бурный период превращения — те рискованные, непредсказуемые недели, когда их вид будет сводить с ума всех, в особенности мужчин.

— Я переживаю, — призналась я, — что никак не могу повлиять на то, что покажут мои новые отметины. Волнуюсь, что мне придется просто с ними смириться.

Джулия притянула меня поближе к себе. От нее исходил слабый аромат с легкими нотами сирени. Мне стало не по себе, когда я это заметила — будто меня застучали за подглядыванием. Она крепче вцепилась в мою руку, и я с трудом сдержала порыв отшатнуться.

— Будущее настигнет тебя, как и должно, — сказала она. — Отрицать это бессмысленно. Но со временем ты поймешь, что можешь менять его своими действиями. Не кардинально, но даже мельчайшие изменения могут стать значимыми. Мы все-таки сами себе хозяева. Как ветер, пролетающий сквозь листву дерева.

Джулия отцепила от меня одну руку и изобразила раскрытой ладонью дерево: предплечье символизировало ствол, пальцы — ветви, а пышная копна ее волос в моем воображении превратилась в густую крону.

— Само по себе дерево не меняется, но при движении его листья образуют разные формы, тени, звуки. Суть его остается той же, даже если в мелочах оно изменяется. Понимаешь?

Я захлопала глазами.

— Все нормально, — сказала она. — Ты умная девушка. Однажды поймешь.

Взбодороженная, я потеряла предплечья, чтобы справиться с оторопью. Весь смысл толкования был в принятии неизбежности будущего. Идея будущего как чего-то податливого, вроде ветра, дующего сквозь листья, казалась блажью. Отметины не могли рассказать всего, чему суждено было случиться, но хотя бы в общих чертах знать, что тебя ждет, было облегчением. Именно за этим люди шли к толкователям — чтобы свериться с «Картографией будущего», чтобы спланировать карьеру и брак в соответствии с тем, что было им уготовано.

Вот бы по отметинам можно было во всех подробностях узнать истину — увидеть ее, как глазами. Хотела бы я увидеть целиком хоть один фрагмент — какой-нибудь день из далекого будущего, когда мы с Джулией будем проводить дни бок о бок, как ровня.

Именно такое будущее меня и ждало, но в тот день дома у Джулии узнать об этом я не могла. Возможно, это было к лучшему. Слишком много времени мы проводим, воображая грядущее — то огромное пространство несбыточного, или блуждая в прошлом, в мире усопших. И все же я вновь и вновь возвращаюсь в этот момент, словно, воскрешая его в памяти, смогу как-то изменить исход. Словно прошлое можно менять так же, как и будущее.

Застряв где-то на полпути между настоящим и грядущим, я все еще потирала плечо, когда Майлс вышел из класса вместе с Дейрдре, и тогда-то я все поняла: Дейрдре

выглядела ослепительно, эффектно, от ее кожи исходило какое-то неземное свечение. Она вступила в превращение, обрела свои взрослые отметины. Она была восхитительна.

Я завороженно наблюдала, как Дейдрре шла по комнате в полупрозрачной юбке цвета индиго, подол которой клубился у ее шиколоток. На шее у нее болтался опал на золотой цепочке. Не так давно я прочла книгу о самоцветах, поэтому кое-что знала об опалах. Эти необычные хрупкие камни могли легко потрескаться от удара или при попадании в экстремальные температуры. Опалы выглядели по-разному в зависимости от того, с какого угла на них смотришь: сверкали вспышкой молнии, ярким огнем или поблескивали глянцевыми переливами бензиновой пленки на луже. С этим камнем, сияющим у нее на шее, Дейдрре, казалось, плыла по воздуху. Словно парила в ясном прозрачном небе, пока все мы брели сквозь водную толщу.

Сама того не осознавая, я подалась в сторону Дейдрре. У меня было чувство, что, стоит до нее дотронуться — тотчас проскочит искра.

— Майлс, я надеюсь, вы с Селестой не передумали проводить Дейдрре до дома? — сказала Джулия. — К сожалению, моя машина все еще в нерабочем состоянии.

— Конечно, — ответил Майлс.

Я с удивлением взглянула на него — он не предупредил меня о своих планах. Позже я узнаю, что машина Джулии с безнадежно изношенными тормозными колодками была припаркована за домом — Джулия копила деньги на ремонт. Этому неудобству предстояло обернуться куда более печальными последствиями, чем я могла тогда представить.

— Может, мне все-таки пойти с вами — на всякий случай. — Джулия нахмурилась. Все мы знали, о чем она думала: выпустить превращенку на улицу в поздний час было бы безответственно.

— На улице еще светло, — сказала Дейдрре.

— И мы пойдем быстро, — добавил Майлс. — Мы будем вместе, втроем. Селеста всю дорогу будет рядом.

Так вот зачем Майлс позвал меня с собой — чтобы я выступила в роли дуэньи, а он мог провести побольше

времени с Дейдрре? Впервые я увидела брата тем, кем его видел весь мир: юношей, который становится молодым мужчиной и, соответственно, вероятной угрозой для девушек вроде Дейдрре. И моя уверенность в том, что брат не способен никому навредить, ничего не значила. Сама такая вероятность — вот что имело значение.

Джулия смотрела на меня, ожидая подтверждения его слов.

— Нам с Дейдрре по пути, — сказала я. — Все в порядке.

Она улыбнулась:

— Спасибо, Селеста. Вы меня очень выручите.

Дейдрре и Майлс уже были у выхода. Я пошла за ними, спустилась с крыльца и вышла на улицу, где Дейдрре вдруг застеснялась. Она встала между мной и Майлсом, словно хотела затеряться — бесполезная попытка, поскольку не заметить превращенок было невозможно.

Когда мы прошли мимо кучки мужчин, стоявших возле магазинчика на углу, их взгляды синхронно вперились в Дейдрре, будто она их загипнотизировала. Они не стали подходить, свистеть или улюлюкать ей вслед, но что-то здесь все равно было не так. Я заметила, как те мужчины глазели на Дейдрре, и это разбудило во мне страх, который я редко испытывала: страх быть девушкой.

Я быстро прогнала эти волнения. Мы свернули за угол, мужчины пропали, и я вернулась в свой привычный мир.

Когда вечером за ужином родители спросили меня, как прошел визит к Джулии, я ответила, что обошлось без откровений. Это не было ложью, равно как не было и чистой правдой. Расспрашивать меня не стали. Отец просто начал раскладывать по тарелкам жаркое, а мама налила себе вина. Будущее их не тревожило.

После ужина я ушла к себе: делать домашнюю работу по геометрии. На улице стемнело, и я нагнула настольную лампу пониже, чтобы подсветить чертеж, над которым работала. Углы, дуги, бесконечность линий. Размеренная логичность геометрии, ее выверенная пошаговая упорядоченность, размечающая решение задачи, была мне по душе.

Мой чертеж был наполовину готов, когда ко мне за-
явился Майлс. С «Картографией будущего» в руках.

— Можно я на тебя взгляну? — спросил он. — Я узнал кое-что новое на занятиях и хочу попрактиковаться.

Он стоял в дверях, выжидая. За последний год он так вытянулся, что иногда я его не узнавала.

— Ладно, — сказала я. — Но давай побыстрее.

Я смиренно сидела, пока Майлс изучал мою руку. Дело привычное. Для брата я была объектом, полигоном для его исследований, его ключом к искусству толкования. Таков был наш самый давний и самый понятный способ взаимодействия.

Пока он работал, я разглядывала комнату, которую недавно перекрасила вместе с отцом. В строительном магазине продавалось много уцененной колорированной краски, которую кто-то вернул — так я и обзавелась стенами бледно-голубого, почти белого цвета. Мы зашпаклевали дырки от гвоздей, выровняли и загрунтовали стены и, наконец, нанесли краску. Когда высох второй слой, я развесила постеры: увеличенную диаграмму из «Картографии будущего», предрекавшую жизнь, полную счастья, панораму с горным пейзажем и портрет женщины, лежащей в окружении цветов и драгоценных камней. В качестве финального штриха я расклеила на потолке крошечные остrokонечные звезды, светившиеся в темноте — в случайном порядке, а не в форме каких-либо созвездий. Мне нравилось смотреть на них ночами и знать, что это всего лишь звезды, и не что иное.

Закончив с моей правой рукой, Майлс сел слева от меня.

— Думаю, если бы ты постаралась, — довольно нелюбезно сказал он, — то из тебя могла бы выйти довольно хорошая толковательница.

Я вздохнула. Эта тема была причиной пусть и не острых, но давних разногласий между нами. Майлс хотел, чтобы я изучала толкование вместе с ним, но меня это совершенно не интересовало.

— Это не мое. И ты об этом знаешь, — сказала я. — Кроме того, Джулия не такая, как другие толковательницы.

Слышал бы ты, что она наговорила мне про дерево и про то, как наши действия способны менять будущее.

— Мы никак не можем изменить то, что нам суждено. Слегка влиять на непредсказуемые исходы событий — возможно. Воспринимать их чуточку иначе. Вот что она имела в виду.

— Все равно это странный ход мыслей. Она мне нравится, правда, но то, что она говорит, — это какой-то бред. — Я наблюдала за тем, как Майлс сверяется с «Картографией будущего». — А ты сам — ты-то ей доверяешь?

— Доверил бы свою жизнь, — ответил он, не поднимая глаз.

Я не придумала, как ему возразить.

— Долго тебе еще? — вместо этого спросила я. — Мне нужно домашку закончить.

— Недолго. — Он внимательно изучал мой левый локоть. — Все равно твои отметины говорят, что ты отличница.

— Да, но только если я занимаюсь. — Произнося эти слова вслух, я услышала в них эхо того, что Джулия сказала про дерево, про умышленные перемены. Я отдернула руку.

Майлс поднял голову.

— Цени то, что имеешь. Я бы что угодно отдал ради отметин, как у девчонок.

Его слова напомнили мне о том, как я когда-то сидела у отца на коленях и разглядывала родинку у него на шее, дивясь ее бессмысленности. Я чуть с ума не сошла, пытаюсь свыкнуться с мыслью, что это просто родинка, и ничего больше, и что родинки на мужчинах не собираются в созвездия, как на женских телах. Что они разбросаны хаотично, в случайном порядке. Что прочесть их невозможно.

— Знаешь, Дейрдре завтра вернется в школу, — добавил он. В его голосе прозвучала отретпетированная непринужденность — вот в чем была истинная причина его появления в моей комнате. В очередной раз он скрыл свой мотив. — Раз уж у вас занятия в одном крыле здания, я подумал, что ты могла бы присмотреть за ней на этой неделе.

— Я же едва ее знаю.

Дейдре была выпускницей, на год старше меня. Мы не общались.

— Просто присмотри за ней, — сказал Майлс. — Пожалуйста. У нас с ней не совпадают расписания, но ты хотя бы сможешь ее видеть.

Он стал очень серьезен, словно резко повзрослел в тот день. Может, он запал на Дейдре? Может, подумала я, это всего лишь подростковое увлечение?

— Ладно. Но с ней и так все будет нормально.

— Спасибо, Селеста. Я твой должник.

Он сунул руку в карман толстовки и, вытащив оттуда пригоршню земляники, высыпал ее мне на стол.

— Мы забыли собрать ее этим летом, но кое-что еще осталось. — Он повел плечами. — Подумал, ты будешь рада.

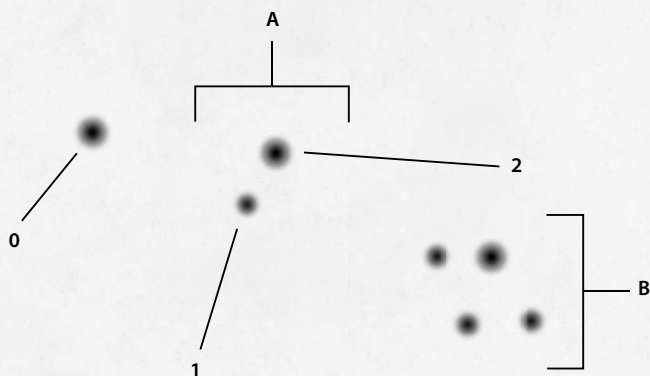
Обезоруживать меня за секунду напоминанием о наших былых приключениях — вот что брату удавалось хорошо. В детстве мы с ним собирали землянику, которая росла у нас вокруг дома. Однажды мы даже выставили на улицу прилавок для торговли земляникой: разложили ягоды по маленьким бумажным стаканчикам и выставили по пятьдесят центов за штуку. Не продали ни одного. На исходе дня мы съели столько ягод, сколько смогли, а остальные просто раздавили. Будто твердо решили уничтожить все, что не сумели поглотить.

Когда Майлс ушел из моей комнаты, я закинула ягоды в рот — одну за другой. Я ощутила прикосновение десятков крохотных семян, усеивавших розовую плоть ягоды, дождавшихся подходящего момента, чтобы зажечь собственной жизнью.

Картография будущего:
справочник по толкованию девочек и женщин

Категория — Карьера

Расположение — Правое бедро

Скопление А. Определяет лиц, имеющих отношение к будущей карьере субъекта. А1 указывает на старшего кровного брата (или сестру), тогда как расположение и размер А2 указывают на родительскую фигуру или наставника.

Скопление В. Нисходящее направление данной классической четырехчастной комбинации, определяющей карьерную область, указывает на профессию, связанную с кропотливым трудом.

Отметина 0. Обособленная, эта отметина указывает на то, что субъект будет работать в одиночку (см. Приложение С: противоречивые указания).

Брат держал обещания, которые давал мне, и я отвечала ему тем же. Так повелось у нас с рождения, и я надеялась, что и в будущем это не изменится. Но сдержать обещание присмотреть за Дейдрде оказалось не так-то просто. Дейдрде была неуловимой, непредсказуемой — фантомной девушкой, постоянно от меня ускользавшей. Следующим утром я обошла все коридоры, разыскивая ее после классного часа, и повторила попытку после второго урока, но ее нигде не было. Я могла поклясться, что в какой-то момент ощутила ее присутствие, но когда обернулась, рядом никого не оказалось.

Здание старшей школы было выстроено в форме буквы Т: бесконечный коридор с гуманитарными классами пересекался с коридором покороче, где все классы были предназначены для естественно-научных или математических занятий. На переменах в коридорах творилась толкотня — достигнув перекрестка, толпы учеников врзались друг в друга. Такой разброд был привычным делом, подростковым хаосом, который я позже буду вспоминать с теплотой.

Раз за разом терпя неудачу в поисках Дейдрде, я возвращалась к своему устоявшемуся моциону — прогулке по коридорам вместе с Мари и Кассандрой. Мы были знакомы с первого класса — трио восьмилеток, которых свели вместе любопытство и судьба. И жизнь наша тогда была совсем другой: мы зажигали бенгальские огни, рисовали «клас-

сики» на площадках, унизывали запястья виниловыми браслетиками. Мы собирали волосы в хвостики, перетягивая их резинками с разноцветными бусинами — маленькими драгоценностями, которыми мы обменивались друг с другом, а кожу нашу украшали загар и ссадины. Мы были детьми. Мы были девчонками.

Когда мы гуляли по школьным коридорам, я всегда шла между Кассандрой и Мари. Я издавна была середнячком, мостиком между небом и землей, которые являли собой мои подружки. Мари была сама невинность, самая младшая из нас — как внешне, так и по повадкам. В пятнадцать лет она все еще носила челку, по-детски обрзанную «под горшок», все еще была по-девчачьи застенчива. Она казалась хрупкой крохой в сравнении с Кассандрой, которую уже влекли риск, приключения, секс. Мари носила глухие свитеры и заплетала косички, Кассандра предпочитала пуловеры с глубоким вырезом, красила губы блеском, а волосы ее свободно струились вдоль спины.

Мне нравилось, какой я становилась рядом с Кассандрой — более смелой, более дерзкой. Тем летом мы с ней ездили купаться на озеро и, едва оказавшись на берегу, сразу же прыгнули в него с разбега, а затем, насквозь мокрые, разлеглись загорать на камнях. Выставили себя напоказ. Кучка парней на пляже глазели на нас, и если меня их внимание обжигало, то Кассандра будто бы вовсе их не замечала. Это вызывало у меня зависть — возможно, я завидовала ей во всем. В розовом бикини и с влажными волосами, разметавшимися по камням, она выглядела как русалка. Я коснулась ее плеча — оно было горячим и холодным, сухим и мокрым — множество противоположных ощущений разом.

— У меня от тебя мурашки, — сказала она, стряхнув мои пальцы. Она перевернулась, и моему взору открылись отметины у нее на пояснице. В этом месте располагались предсказания о любви. — Я есть хочу, — добавила она и посмотрела на меня в упор. — Селеста. А ты разве не хочешь?

Вместо ответа я лишь прищурилась на солнце. Я отличалась от Кассандры; я была не из тех, кто заявляет о своих

желаниях и ждет, что окружающие их исполнят. Хотя, возможно, пора было попробовать такой стать. Но теперь рядом с Кассандрой я могла признаться, что чего-то хочу — есть, развлекаться или — в последнее время все чаще — оказаться в пагубном мире парней, их пота, их неумности, их возмутительно бесконтрольного поведения. Я хотела всего этого, пусть даже и не решалась заявить о своих желаниях.

Когда Кассандра отправилась на следующий урок, я пошла за Мари к ее шкафчику. Мари вытянула с верхней полки лист бумаги и долго, безмолвно его изучала. Я узнала это ее выражение — нервозность, неуверенность, может, даже толика упрямства.

— В общем, я это подпишу, — наконец сказала она. Смотрела она при этом куда-то мимо меня, словно зрительный контакт мог ослабить ее решимость.

Она протянула лист, чтобы я смогла его прочесть. Это было формальное заявление об отказе от осмотра отметин, который в тот день стоял в расписании. В старшей школе такие осмотры проводились дважды в год, результаты их вносились в наши личные дела. Прохождение регулярных осмотров в школьные годы было призвано приучить нас к установленному распорядку, продемонстрировать нашу покорность и предупредить любые упущения, связанные с нашими отметинами. Государственные осмотры были не самым приятным, но довольно рядовым событием — чем-то вроде медицинского обследования, хотя отказ от участия в них считался табу.

— Ты уверена? — с удивлением спросила я.

Она покачала головой:

— Нет. Наверное. Я не знаю.

Я взяла у нее листок и разгладила его. От ее рук бумага стала влажной, но место для подписи внизу все еще пустовало.

— То, что у тебя кроткая мама, не значит, что ты должна быть такой же, — сказала я. — Везде ходить в закрытой одежде, не иметь возможности работать с мужчинами — это же нереально.